

и л ь я е в г е н и й
ИЛЬФ ♣ ПЕТРОВ

12

СТУЛЬЕВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И49

Охраняется Законом РФ «Об авторском праве
и смежных правах». Воспроизведение книги любым способом,
в целом или частично, без разрешения правообладателей
будет преследоваться в судебном порядке»

Идея проекта – Виталий Бабенко
Консультант – Александр Котарин

Ильф И., Петров Е.
И49 Двенадцать стульев. – Москва: Издательство АСТ, 2017. – 720 с. –
(*Миры Ильфа и Петрова*).

ISBN 978-5-17-099057-3

Знаменитый роман-хроника «Двенадцать стульев» впервые был
опубликован в журнале «30 дней» за 1928 год. Имена авторов – со-
трудников газеты «Гудок» – вовсе не были широко известны: *«Илья*
Ильф, Евгений Петров».

Уникальность публикуемого текста даже не в том, что восстано-
влены изъятия в «теле» романа, а в подробнейшем понятийном аппарате
эпохи генерации эпопеи, написанном профессорами РГГУ Давидом
Фельдманом и Михаилом Одесским. Да, еще и блестящий коммента-
рий к роману. И это совсем иное его прочтение.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Художественное издание

Илья Ильф. Евгений Петров
Двенадцать стульев

Миры Ильфа и Петрова

Куратор проекта *Юрий И. Крылов*
Заведующая редакцией *Юлия Данник*
Руководитель направления *Татьяна Чурсина*
Художественное оформление *Андрей Фerez*
Дизайн макета *Яна Паламарчук*
Компьютерная вёрстка *Андрей Кирилин*
Корректор *Елена Будаева*
Технический редактор *Татьяна Тимошина*

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги и брошюры.

Подписано в печать 28.02.2017.
Формат 70×100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 45,0.
Тираж 3000 экз. Заказ № .

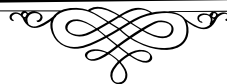
ООО «Издательство АСТ». 129085, РФ, г. Москва, Звёздный бульвар, д. 21, стр. 3, ком. 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru, www.ogiz.ru

ISBN 978-5-17-099057-3

© Одесский М.П., Фельдман Д.М., послесловие, комментарий, 2017
© Текст, оформление. ООО "Издательство АСТ", 2017

Посвящается
Валентину
Петровичу
Катаеву

ЧАСТЬ

СТАРГОРОДСКИЙ
ЛЕВ

В тексте романа полужирным шрифтом выделены небольшие, а знаком () – объемные разночтения и фрагменты, исключенные из редакций, входивших в ранее издававшиеся собрания сочинений Ильфа и Петрова.

ГЛАВА I

БЕЗЕНЧУК И НИМФЫ

В уездном городе N было так много парикмахерских заведений и бюро похоронных процессий, что, казалось, жители города рождаются лишь затем, чтобы побриться, остричься, освежить голову вежеталем и сразу же умереть. А на самом деле в уездном городе N люди рождались, брились и умирали довольно редко. Жизнь города была тишайшей. Весенние вечера были упоительны, грязь под луною сверкала, как антрацит, и вся молодежь города до такой степени была влюблена в секретаршу месткома коммунальников, что это просто мешало ей собирать членские взносы.

Вопросы любви и смерти не волновали Ипполита Матвеевича Воробьянинова, хотя этими вопросами, по роду своей службы, он ведал с 9 утра до 5 вечера ежедневно, с получасовым перерывом для завтрака.

По утрам, выпив из **причудливого (морозного с жилкой)** стакана свою порцию горячего молока, поданного Клавдией Ивановной, он выходил из полутемного домика на просторную, полную диковинного весеннего света, улицу **«Им. тов. Губернского»**. Это была приятнейшая из улиц, какие встречаются в уездных городах. По левую руку, за волнистыми зеленоватыми стеклами, серебрились гроба похоронного бюро

«Нимфа». Справа, за маленькими, с обвалившейся замазкой, окнами, утрюмо возлежали дубовые, пыльные и скучные **гроба**, гробовых дел мастера Безенчука. Далее «Цирульный мастер Пьер и Константин» обещал своим потребителям «холью ногтей» и «ондулясион на дому». Еще дальше расположилась гостиница с парикмахерской, а за нею, на большом пустыре, стоял палевый теленок и нежно лизал поржавевшую, прислоненную (**как табличка у подножия пальмы в ботаническом саду**) к одиноко торчащим воротам, вывеску:

«Погребальная контора «Милости просим».

Хотя похоронных депо было множество, но клиентура у них была небольшая. «Милости просим» лопнуло еще за три года до того, как Ипполит Матвеевич осел в городе N, а мастер Безенчук пил горькую и даже однажды пытался заложить в ломбарде свой лучший выставочный гроб.

Люди в городе N умирали редко, и Ипполит Матвеевич знал это лучше кого бы то ни было, потому что служил в загсе, где ведал столом регистрации смертей и браков.

Стол, за которым работал Ипполит Матвеевич, походил на старую надгробную плиту. Левый **уголок** его был уничтожен крысами. Хилые его ножки тряслись под тяжестью пухлых папок табачного цвета с записями, из которых можно было почерпнуть все сведения о родословных жителей города N и о генеалогических (**или, как шутливо говаривал Ипполит Матвеевич, генекологических**) деревьях, произросших на скудной уездной почве.

В пятницу 15 апреля 1927 года Ипполит Матвеевич, как обычно, проснулся в половине восьмого и сразу же просунул нос в старомодное пенсне с золотой дужкой. Очков он не носил. Однажды, решив, что носить пенсне негигиенично, Ипполит Матвеевич направился к оптику и купил очки без оправы, с позолоченными оглоблями. Очки с первого раза ему понравились, но жена (это было незадолго до ее смерти) нашла, что в очках он вылитый Милюков, и он отдал очки дворнику. Дворник, хотя и не был близорук, к очкам привык и носил их с удовольствием.

– Бонжур! – пропел Ипполит Матвеевич самому себе, спуская ноги с постели.

«Бонжур» указывало на то, что Ипполит Матвеевич проснулся в добром расположении. Сказанное при пробуждении «гут морген» обычно значило, что печень пошаливает, что 52 года – не шутка и что погода нынче сырая.

Ипполит Матвеевич сунул сухощавые ноги в довоенные штучные брюки, завязал их у щиколотки тесемками и погрузился в короткие мягкие сапоги с узкими квадратными носами **и низкими подборорами**. Через пять минут на Ипполите Матвеевиче красовался лунный жилет, усыпанный мелкой серебряной звездой, и переливчатый люстриновый пиджачок. Смахнув **с седых (волосок к волоску) усов** оставшиеся после умывания росинки, Ипполит Матвеевич зверски пошевелил усами, в нерешительности **попробовал** шероховатый подбородок, провел щеткой по коротко остриженным алюминиевым волосам **пять раз левой и восемь раз правой рукой ото лба к затылку** и, учтиво улыбаясь, двинулся навстречу входившей в комнату теще – Клавдии Ивановне.

– Эпполе-эт, – прогремела она, – сегодня я видела дурной сон.

Слово «сон» было произнесено с французским прононсом.

Ипполит Матвеевич поглядел на тещу сверху вниз. Его рост доходил до **185** сантиметров. С такой высоты ему легко и удобно было относиться к теще **Клавдии Ивановне** с некоторым пренебрежением.

Клавдия Ивановна продолжала:

– Я видела покойную Мари с распущенными волосами и в золотом кушаке.

От пушечных звуков голоса Клавдии Ивановны дрожала чугунная лампа с ядром, дробью и пыльными стеклянными цацками.

– Я очень встревожена! Боюсь, не случилось бы чего!

Последние слова были произнесены с такой силой, что каре волос на голове Ипполита Матвеевича колыхнулось в разные стороны. Он сморщил лицо и раздельно сказал:

– Ничего не будет, маман. За воду вы уже вносили?

Оказывается, что не вносили. Калоши тоже не были помыты. Ипполит Матвеевич не любил **свою тещу**. Клавдия Ивановна была глупа, и ее преклонный возраст не позволял надеяться на то, что она когда-нибудь поумнеет. Скупа она была до чрезвычайности, и только бедность Ипполита Матвеевича не давала развернуться этому захватывающему чувству. Голос у нее был такой силы и густоты, что ему позавидовал бы Ричард Львиное Сердце. И, кроме того, что было самым ужасным, Клавдия Ивановна видела сны. Она видела их всегда. Ей снились девушки в кушаках **и без них**, лошади, обшитые жел-

тым драгунским кантом, дворники, играющие на арфах, архангелы в сторожевых тулупах, прогуливающиеся по ночам с колотушками в руках, и вязальные спицы, которые сами собой прыгали по комнате, производя огорчительный звон. Пустая старуха была Клавдия Ивановна. Вдобавок ко всему, под носом у нее росли усы, и каждый ус был похож на кисточку для бритья.

Ипполит Матвеевич, слегка раздраженный, вышел из дому. У входа в свое потасканное заведение стоял, прислонясь к дверному косяку и скрестив руки, гробовых дел мастер Безенчук. От систематических крахов своих коммерческих начинаний и от долговременного употребления внутрь горячительных напитков глаза мастера были ярко-желтыми, как у кота, и горели неугасимым огнем.

– Почет дорогому гостю! – прокричал он скороговоркой, завидев Ипполита Матвеевича. – С добрым утром.

Ипполит Матвеевич вежливо приподнял запятнанную касторовую шляпу.

– Как здоровье **вашей** тещеньки, разрешите, **такое нахальство**, узнать?

– Мр-р, мр-р, – неопределенно ответил Ипполит Матвеевич и, пожав прямыми плечами, проследовал дальше.

– Ну, дай ей бог здоровычка, – с горечью сказал Безенчук, – одних убытков сколько несем, туды его в качель.

И снова, скрестив руки на груди, прислонился к двери.

У врат похоронного бюро «Нимфа» Ипполита Матвеевича снова попридержали.

Владельцев «Нимфы» было трое. Они враз поклонились Ипполиту Матвеевичу и хором осведомились о **здоровье** тещи.

– Здорова, здорова, – ответил Ипполит Матвеевич, – что ей делается. Сегодня золотую девушку видела, распущенную. Такое ей было **обозрение** во сне.

Три «нимфа» переглянулись и громко вздохнули.

Все эти разговоры задержали Ипполита Матвеевича в пути, и он, против обыкновения, пришел на службу тогда, когда часы, висевшие над лозунгом «Сделал свое дело – и уходит», – показывали пять минут десятого.

– **Мацист опоздал!**

Ипполита Матвеевича за большой рост, а особенно за усы, прозвали в учреждении Мацистом, хотя у настоящего Мациста никаких усов не было.

Вынув из ящика стола синюю войлочную подушечку, Ипполит Матвеевич положил ее на стул, придал усам правильное направление (параллельно линии стола) и сел на подушечку, несколько возвышаясь над **всеми** тремя своими сослуживцами. Ипполит Матвеевич не боялся геморроя, он боялся протереть брюки и потому пользовался синим войлоком.

За всеми манипуляциями советского служащего застенчиво следили двое молодых людей – мужчина и девица. Мужчина в суконном, на вате, пиджаке, был совершенно подавлен служебной обстановкой, запахом ализариновых чернил, часами, которые часто и тяжело дышали, а, в особенности, строгим плакатом: «Сделал свое дело – и уходи». Хотя дела своего мужчина в пиджаке еще и не начинал, но уйти ему уже хотелось. Ему казалось, что дело, по которому он пришел, настолько незначительно, что из-за него совестно беспокоить такого видного седого гражданина, каким был Ипполит Матвеевич. Ипполит Матвеевич и сам понимал, что у пришедшего дело маленькое, что оно терпит, а потому, раскрыв скоросшиватель № 2 и дернув щечкой, углубился в бумаги. Девица в длинном жакете, обшитом блестящей черной тесьмой, пошептала с мужчиной и, **потая** от стыда, стала медленно подвигаться к Ипполиту Матвеевичу.

– Товарищ, – сказала она, – где тут...

Мужчина в пиджаке радостно вздохнул и, неожиданно для самого себя, гаркнул:

– Сочетаться!

Ипполит Матвеевич внимательно поглядел на перильца, за которыми стояла чета.

– Рождение? Смерть?

– Сочетаться, – повторил мужчина в пиджаке и растерянно оглянулся по сторонам.

Девица прыснула. Дело было на мази. Ипполит Матвеевич, с ловкостью фокусника, принялся за работу. Записал старушечьим почерком имена новобрачных в толстые книги, строго допросил свидетелей, за которыми невеста сбегала во двор, долго и нежно дышал на квадратные штампы и, привстав, оттискивал их на потрепанных паспортах. Приняв от молодоженов два рубля и **выдавая** квитанцию, Ипполит Матвеевич сказал, усмехнувшись: «За совершение таинства» – и поднялся во весь свой прекрасный рост, по привычке выкатив грудь (в свое время он нашивал корсет). Тол-

стые желтые лучи солнца лежали на его плечах, как эполеты. Вид у него был несколько смешной, но необыкновенно торжественный. Двояковогнутые стекла пенсне пучились белым прожекторным светом. Молодые стояли, как барашки.

– Молодые люди, – заявил Ипполит Матвеевич выспренно, – позвольте вас поздравить, как говаривалось раньше, с законным браком. Очень, оч-чень приятно видеть таких молодых людей, как вы, которые, держась за руки, идут к достижению вечных идеалов. Очень, оч-чень приятно.

Произнесши эту тираду, Ипполит Матвеевич пожал новобрачным руки, сел и, весьма довольный собою, продолжал чтение бумаг из скоросшивателя № 2.

За соседним столом служащие хрюкали в чернильницы:

– **Мацист опять проповедь читал.**

Началось спокойное течение служебного дня. Никто не тревожил стол регистрации смертей и браков. В окно было видно, как граждане, поеживаясь от весеннего холодка, разбредались по своим **делам**. Ровно в полдень запел петух в кооперативе «Плуг и молот». Никто этому не удивился. Потом раздалось металлическое кряканье и клекот мотора. С улицы **«Им. тов. Губернского»** выкатился плотный клуб фиолетового дыма. Клекот усилился. Из-за дыма вскоре появились контуры уисполкомовского автомобиля Гос. № 1 с крохотным радиатором и громоздким кузовом. Автомобиль, барахтаясь в грязи, пересек Старопанскую площадь и, колыхаясь, исчез в **ледовитом** дыму, а служащие долго еще стояли у окна, комментируя происшествие и ставя его в связь с возможным сокращением штата. Через некоторое время по деревянным мосткам **противоположной стороны площади** осторожно прошел мастер Безенчук. Безенчук целыми днями шатался по городу, выпытывая, не умер ли кто.

Наступил узаконенный получасовой перерыв для завтрака. Раздалось полновзвучное чавканье. Старушку, пришедшую зарегистрировать внучонка, отогнали на середину площади.

Переписчик Сапежников начал, досконально уже всем известный, цикл охотничьих рассказов. Весь смысл этих рассказов сводился к тому, что на охоте приятно и даже необходимо пить водку. Ничего больше от него нельзя было добиться.

– Ну вот-с, – иронически сказал Ипполит Матвеевич, – вы только что изволили сказать, что раздавили эти самые две полбутылки... Ну, а дальше что?

– Дальше?.. А дальше я и говорю, что по зайцу нужно бить крупной дробью... Ну, вот... Проспорил мне на этом Григорий Васильевич диковинку... Ну и вот, раздавили мы диковинку и еще соточкой смочили. Так было дело.

Ипполит Матвеевич раздраженно пыхнул папироской.

– Ну, а зайцы как? Стреляли вы по ним крупной дробью?

– Вы подождите, не перебивайте. Тут подъезжает на телеге Донников, а у него, бродяги, под соломой целый гусь запрятан – четвертуха вина...

Сапезников радостно захохотал, обнажив светлые десны.

– Вчетвером целого гуся одолели и легли спать, тем более на охоту чуть свет выходить надо. Утром встаем. Темно еще, холодно. Одним словом, драже прохладительное... Ну, у меня полшишки нашлось. Выпили. Чувствуем, не хватает. Драманж! Баба двадцатку донесла. Была там в деревне колдовница такая – вином торгует..

– Когда же вы охотились-то, позвольте полюбопытствовать?

– А тогда ж и охотились... Что с Григорий Васильевичем делалось!.. Я, вы знаете, никогда не бую... И даже еще мерзавчика раздавил для легкости. А Донников, бродяга, опять на телеге укатил. «Не расходитесь, говорит, ребята. Я сейчас еще кой-чего доведу». Ну, и довел, конечно. И все сороковками – других в «Молоте» не было. Даже собак напоили...

– А охота?! Охота?! – закричали все.

– С пьяными собаками какая же охота? – обижаясь, сказал Сапезников.

– М-мальчишка! – прошептал Ипполит Матвеевич и, негодуя, направился к своему столу.

Этим узаконенный получасовой перерыв для завтрака завершился.

Служебный день подходил к концу. На соседней желтенькой с белым колокольне что есть мочи забили в колокола. Дрожали стекла. С колокольни посыпались галки, помитин-